АЛЕКСАНДР ПИК

ОПЕРАЦИЯ «ПРИМАДОННА»

Александр Пик
Операция «Примадонна»

https://litres.ru/74771603
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Ланская — легенда. Народная артистка, примадонна оперетты, звезда правительственных концертов. Ордена на стенах, фотографии с теми, кого называют только по должности, и квартира в высотке на Котельнической набережной.

Однажды ей звонит генерал ФСБ. Мягкий голос, отеческие интонации, знание того, что знают только самые близкие. Из всех граждан страны для секретной операции против преступной группы выбрали именно ее. Вера всю жизнь служила государству — послужит и теперь. Подписка о неразглашении, позывной «Ласточка». И «контрольная продажа» квартиры за 140 миллионов.

Детский хирург Яна Ковач вместе с мужем продала все, что имела, взяла ипотеку и купила квартиру мечты. Но бывшая хозяйка не съезжает. Генерал исчез, деньги исчезли, а народная артистка идет в суд — и вся страна на ее стороне.

Две женщины. Одна квартира. Одна ложь, в которую хотелось верить.

Психологический роман с черной иронией — о том, как привычка служить делает человека беззащитным.

Содержание

ЧАСТЬ I. ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ 5
Глава 1. Звонок 5
Глава 2. Квартира из телевизора 16
Глава 3. Подписка 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Операция «Примадонна»

Все персонажи и события романа вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

ЧАСТЬ I. ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Глава 1. Звонок

Вера

Фотограф попросил ее встать спиной к стене с орденами, и Вера Арнольдовна сделала вид, что не расслышала.

— К стене спиной я не стою, молодой человек, — сказала она наконец. — Спиной к стене стоят на расстреле. А я стою на фоне.

Мальчик с камерой засмеялся, будто это была шутка. Это и была шутка, но Вера произнесла ее тем тоном, каким тридцать лет назад произносила в «Сильве» свою выходную реплику: так, чтобы зал смеялся, а суфлер в будке крестился. Фотограф перестал смеяться и отступил на шаг. Хорошо. Мальчики из журналов должны помнить, что пришли не в музей, а в дом, где хозяйка еще жива и еще поет.

Стена действительно была достойна фона. Сорок две рамки, если считать дипломы. Вера считала. Наверху, по центру, висела самая большая фотография: она в белом концертном платье, рядом человек, которого по фотографии было принято называть «руководством», и между ними рукопожатие, пойманное фотографом за долю секунды до того, как руководство отвело глаза к следующей артистке. Вокруг — лю-

ди помельче. Министры, двое мэров, один космонавт, один патриарх в кадре сбоку и без благословения. Ниже — грамоты, благодарности, звание народной в рамке из карельской березы, которую покойный Костя заказал у реставратора на Арбате и платил за нее больше, чем стоило само звание.

— Вера Арнольдовна, а можно у рояля?

— У рояля можно, — разрешила она. — Но рояль не трогать. Это рояль Константина Ланского.

Мальчик кивнул так, будто знал, кто такой Константин Ланской. Не знал. Никто уже не знал. Костя дирижировал сорок лет, записал всего Кальмана и половину Легара, и после его смерти в некрологе на сайте театра перепутали год рождения. Вера позвонила, ей извинились и не исправили. Больше она не звонила.

— Эльвира!

Эльвира появилась сразу, как всегда, с той стороны, с которой ее не ждали: из коридора, а не из кухни. В руках у нее был поднос с чашками, на лице — выражение, которое Вера про себя называла «готовность номер один». Двадцать семь лет Эльвира носила это лицо, и за двадцать семь лет Вера ни разу не видела, чтобы оно менялось.

— Чай фотографу, — сказала Вера. — И мне воды, без газа, комнатной. И брошь. Ласточку.

— Она в шкатулке в спальне, Вера Арнольдовна.

— Я знаю, где она. Я прошу ее принести.

Эльвира поставила поднос, ушла. Мальчик пил чай стоя,

потому что сесть ему не предложили. Вера смотрела на себя в темное стекло рояля и поправляла прическу: тяжелый седой узел, который ей делали по вторникам в салоне на Таганке, держался безупречно, но держать его следовало не только шпильками, но и шеей. Семьдесят четыре года. В статье, ради которой ее снимали, было написано «семьдесят» — она лично вычеркнула цифру в верстке и вписала: «вне возраста». Редакторша возражала, потом сдалась. Редакторши всегда сдаются, если с ними разговаривать как с хористками.

Эльвира принесла брошь. Маленькая серебряная ласточка с гранатовым глазом, подарок Кости на первую премьеру. Дома ее называли Верочкой-Ласточкой — Костя придумал, когда ей было двадцать шесть и она порхала по сцене так, что дирижер в яме забывал вступления. Кроме Кости, так ее не называл никто. Ну, сын в детстве. Ну, Эльвира иногда, в хорошие дни, когда Вера разрешала.

— Приколи, — сказала Вера и подставила плечо.

Пальцы у Эльвиры были холодные. Вера поморщилась.

— Ты руки мыла холодной водой?

— Батарея в кухне опять еле теплая, Вера Арнольдовна. Я звонила в управляющую, сказали — заявка принята.

— Заявка принята, — повторила Вера, как повторяют слово из либретто на незнакомом языке. — Вот так и живем. Народная артистка, высотка на Котельнической, а батарея — заявка принята.

Фотограф щелкнул ее в этот момент. Она не успела сде-

лать лицо и рассердилась.

— Сотрите.

— Это хороший кадр, живой…

— Живые кадры пусть делают с живыми людьми. Я — образ. Сотрите.

Он стер. Показал ей экран — она проверила. Потом они сделали двенадцать кадров у рояля и восемь у окна, где за стеклом лежала белая февральская Москва: Яуза под коркой серого льда, Устьинский мост, купола вдалеке и низкое небо, которое в феврале висит над городом, как пыльный театральный задник, который забыли поменять после рождественских спектаклей. Вера любила этот вид за то, что он не менялся. Сорок лет назад она въехала сюда с Костей, и вид был такой же. Правительства менялись, деньги менялись три раза, театр сменил название, а из окна одиннадцатого этажа все было на месте.

В половине первого фотограф ушел. Эльвира проводила его до лифта, вернулась и начала собирать чашки.

— Через час машина на репетицию, — сказала Эльвира. — Юбилейный номер, вторая редакция. Звонил Ставров, сказал, что оркестровка готова.

— Ставров всегда говорит, что готова. У него оркестровка готова, когда он ее еще не начал.

— Еще звонили из управляющей компании.

Вера подняла бровь.

— По батарее?

— Не сказали. Сказали, перезвонят вам лично. Я дала номер.

— Мой номер?

— Вы же сами просили, Вера Арнольдовна, всё по квартире — вам лично. Вы мне не доверяете бумаги по квартире.

Это было правдой, и Вера не стала спорить. Бумаги по квартире она не доверяла никому. Ни Эльвире, ни сыну, ни бухгалтеру театра. Квартира была единственным, что она в этой жизни получила не из чьих-то рук, а заработала сама, — точнее, получил Костя, но это была подробность. И была еще дача. Про дачу Вера думать не любила. Дачу в Переделкине оформляли в девяносто шестом году, и оформлял ее человек, который потом уехал в Израиль и не оставил адреса. В бумагах там было что-то не то с землей, какое-то постановление, какая-то подпись. Вера двадцать лет ждала, что однажды кто-нибудь придет и скажет «а вот здесь, Вера Арнольдовна, у вас неувязочка». Никто не приходил. От этого становилось только страшнее.

Телефон зазвонил, когда Эльвира уже ушла на кухню. Номер был московский, городской.

— Ланская, — сказала Вера.

— Вера Арнольдовна, добрый день, вас беспокоит управляющая компания «Котельническая», диспетчерская служба, оператор Кристина. Удобно говорить?

Голос был молодой, приветливый, немного усталый — так говорят девочки, которые с утра обзванивают сто квартир.

— Если по батарее, то говорите, — разрешила Вера.

— Нет, Вера Арнольдовна, вопрос по документам. У нас в системе обновление, по вашему лицевому счету поступил запрос на смену собственника. Вы подавали такой запрос?

Вера медленно опустилась в кресло у рояля.

— Какой смены собственника? Я собственник.

— Вот и мы удивились, — сказала девочка Кристина. — Запрос пришел через доверенность. Мы обязаны вас уведомить. Если вы ничего не подавали, вам нужно срочно связаться с Росфинмониторингом, у них отдел по таким случаям. Я могу переключить вас на дежурного специалиста, чтобы вы не искали номер.

— Переключайте.

Музыка в трубке была плохая — какая-то электронная мелодия, похожая на «Подмосковные вечера», сыгранные на калькуляторе. Вера сидела прямо, держала трубку двумя пальцами, как держала на сцене веер. Сердце билось ровно и тяжело. Не страх — злость. Кто-то полез в ее квартиру. Кто-то посмел.

— Ведущий специалист Росфинмониторинга Аникеев, слушаю вас.

Мужчина, лет сорока, голос ровный, деловой, с той особенной вежливостью, которая бывает у людей, привыкших к тому, что их боятся. Вера назвала себя. Он ее узнал — или сделал вид, что узнал.

— Вера Арнольдовна, сразу скажу: хорошо, что вы по-

звонили. По вашему объекту недвижимости действительно зафиксирована подозрительная активность. Доверенность оформлена на третье лицо, нотариус в Подмосковье, подпись ваша — или очень похожая на вашу. Вы такую доверенность не выдавали?

— Я ничего никому не выдавала.

— Я так и думал. — Он помолчал, и в этом молчании было что-то значительное. — Вера Арнольдовна, я обязан вас предупредить. Ситуация серьезнее, чем выглядит. Ваше дело уже не в нашей компетенции. Оно передано в ФСБ, поскольку есть основания полагать, что в схеме участвуют сотрудники силовых структур. Предатели внутри ведомства. Я не имею права говорить больше. С вами свяжется ответственное лицо. Пожалуйста, никому не сообщайте о нашем разговоре. Это вопрос вашей безопасности.

— Позвольте, — сказала Вера, — но я…

— Вера Арнольдовна, я понимаю. Ждите звонка. Это займет несколько минут.

Гудки.

Она посидела. Потом встала, подошла к окну. Яуза лежала на месте. Мост стоял на месте. Ордена на стене висели на месте. Сорок две рамки. Предатели внутри ведомства. Ей вдруг стало холодно в плечах, и она поняла, что мерзнет от батареи, а не от страха, и это ее почему-то успокоило.

Из кухни Эльвира гремела посудой.

— Эльвира, закрой дверь на кухню, сквозит, — крикнула

Вера.

Дверь закрылась.

Телефон зазвонил через одиннадцать минут. Она засекла по часам Кости — швейцарским, на камине, которые отставали ровно на две минуты в месяц, и Вера каждое первое число переводила их сама. Номер не определился.

— Вера Арнольдовна, — сказал голос. — Здравствуйте. Генерал-майор Корнеев Андрей Викторович, Федеральная служба безопасности, управление по защите конституционного строя. Прошу прощения, что беспокою вас в рабочее время. Я знаю, что у вас в два репетиция.

Голос был баритон. Мягкий, глубокий, с хорошей опорой — так поют, а не говорят. Вера за пятьдесят лет на сцене научилась слышать опору сразу, как настройщик слышит фальшивую струну. У этого человека опора была. Он не торопился. Он делал паузы там, где их делают люди, которые знают цену паузам.

— Откуда вы знаете про репетицию?

— Вера Арнольдовна, это наша работа — знать. — В голосе появилась улыбка. — И, если позволите, это наша работа — беречь таких людей, как вы. Я буду с вами откровенен, насколько могу. Вокруг вашей квартиры работает организованная группа. Мы ведем ее полтора года. Они специализируются на объектах, принадлежащих заслуженным людям: артистам, ученым, ветеранам. И у них есть свои люди в органах. Поэтому мы не можем действовать через обычные

каналы. Любое официальное заявление уйдет к ним в тот же день.

— Господи, — сказала Вера. — Что же мне делать?

— Пока — ничего. Пока — слушать. — Он помолчал. — Вы ведь человек, который понимает, что такое долг. Я помню ваш концерт на Девятое мая в две тысячи пятом. Вы пели «Синий платочек». Мой отец плакал. Он был фронтовик.

Вера пела «Синий платочек» на Девятое мая в две тысячи пятом. И в две тысячи десятом. И еще в восьми годах между ними. Но в две тысячи пятом — да, это был особенный концерт, там стоял почетный караул и было очень холодно, и у нее сел голос на последнем куплете, и никто этого не заметил, кроме Кости.

— Спасибо, — сказала она, и голос у нее дрогнул по-настоящему, без всякой техники.

— Это вам спасибо, Вера Арнольдовна. Таких, как вы, немного осталось. Поэтому я и звоню лично. Мне поручили. Я сам вызвался, если честно.

Он говорил еще минут пять. Про то, что сейчас ей позвонит следователь, капитан юстиции Ильина Ирина Сергеевна, и объяснит процедуру. Про то, что надо будет подписать документ о неразглашении — «формальность, но без нее мы не имеем права вас привлекать». Про то, что от нее потребуется мужество. Слово «мужество» он произнес так, как дирижер показывает вступление валторнам: коротко, без нажима, и все понимают.

— И еще, — сказал генерал, когда она уже думала, что он прощается. — Вера Арнольдовна, в схеме участвуют люди из вашего окружения. Я пока не могу назвать имен. Но прошу вас: никому ни слова. Даже самым близким. Особенно самым близким.

Вера посмотрела на закрытую дверь кухни.

— Я понимаю, — сказала она.

— Я знал, что поймете. — Пауза. И потом, совсем другим голосом, теплым, почти домашним: — Держитесь, Верочка-Ласточка. Вас ведь так называли дома?

Она не ответила. Она не могла ответить. В горле встало что-то, чего там не было с похорон Кости. Откуда. Откуда он знает. Никто не знает. Ну, Костя. Ну, Артем в детстве. Ну, Эльвира в хорошие дни.

— Откуда вы… — начала она.

— Вера Арнольдовна, — мягко сказал генерал Корнеев, — мы о вас знаем всё. Это и есть наша работа: знать всё и никому не говорить. Не бойтесь. Мы на вашей стороне.

Он помолчал еще секунду, чтобы она успела это услышать. Потом сказал то, ради чего, как она потом поймет, был этот звонок:

— Государство просит вас о помощи. Из всех людей в этой стране мы выбрали вас.

Гудки.

Вера сидела в кресле у рояля Константина Ланского, и рука ее сама собой лежала на броши — на серебряной ласточ-

ке с гранатовым глазом, — и под рукой у нее было сердце, и оно билось уже не ровно.

В дверь кухни постучали.

— Вера Арнольдовна, машина внизу, — сказала Эльвира. — Вы бледная. Вам воды?

— Мне ничего, — сказала Вера и встала. Встала так, как вставала со стула в последнем акте, когда героиня идет навстречу судьбе, а оркестр берет первые такты финала. — Пальто. И перчатки. Не те, другие. Лайковые.

Эльвира принесла пальто. Вера оделась перед зеркалом в прихожей, поправила узел, поправила брошь. Из зеркала на нее смотрела женщина, которую выбрали. Из всех людей в этой стране.

В лифте она поймала себя на том, что улыбается.

Глава 2. Квартира из телевизора

Яна

Мальчику было шесть лет, и он проглотил магнит.

Не один — два. Маленькие, круглые, от конструктора, который старший брат получил на день рождения. Два магнита в разных петлях кишечника нашли друг друга через стенку и сцепились, и стенка между ними за сутки умерла. Мать привезла его в половине третьего ночи, потому что «животик болит с обеда, мы думали, отравился». На снимке два магнита стояли рядом, как две пуговицы на пальто.

Яна оперировала до пяти. Петли, перфорации, ушивание. Анестезиолог Гриша Самойлов в половине пятого сказал «давление держит, молодец пацан», и это было первое, что кто-то сказал вслух за два часа. Когда она вышла в коридор, мать сидела на банкетке в куртке, надетой поверх пижамы, и держала в руках детский ботинок. Один. Второй, видимо, потеряли в приемном.

— Все хорошо, — сказала Яна. — Он проснется к обеду. Будет капельница, будет больно, будет просить есть, а есть нельзя три дня. Но все хорошо.

Мать заплакала только после слова «есть». Яна это знала: плачут всегда на бытовом. На «будет просить есть», на «можно ему планшет», на «а в школу когда». На «все хорошо» не плачут, на «все хорошо» еще держатся.

Домой она ехала в начале восьмого, по Ярославке, в общем потоке, который в эти часы шел в обратную сторону — в Москву, — а ей нужно было из Москвы, и это было единственное везение за ночь. Таунхаус в Мытищах они купили семь лет назад, когда Петя еще не родился, а Ване было три. Тогда это казалось правильным: свой дом, своя лестница, маленький двор, где можно поставить качели. Глеб тогда говорил «зато воздух». Воздух был. Еще были полтора часа до больницы в одну сторону и полтора в другую, и в какой-то момент Яна посчитала, что за семь лет провела в машине на Ярославке примерно полгода жизни. Посчитала и больше не считала.

Дома пахло овсянкой и подгоревшим тостом. Глеб стоял у плиты в рубашке и пиджаке, без галстука, с телефоном между ухом и плечом, и говорил кому-то: «Нет, балки я не отгружу, пока не будет предоплаты, у меня цех, а не благотворительный фонд». Петя сидел под столом и строил из стульев космический корабль. Ваня, в форме, с рюкзаком на одном плече, ел стоя.

— Мам, у нас сегодня шахматы, ты забыла, — сказал Ваня вместо «привет».

— Я не забыла. Я не знала.

— Я тебе писал.

Он ей писал. В половине четвертого утра, когда она держала в руке зажим. «Мама завтра шахматы оплати пожалуйста». Без запятых, без знаков. Десятилетние не ставят зна-

ков, им кажется, что знаки — это для взрослых, которые не умеют быстро.

— Оплачу, — сказала Яна и поцеловала его в макушку. Макушка пахла шампунем и улицей.

Глеб закончил разговор, бросил телефон на стол.

— Как ночь?

— Магниты.

— Опять? — Он поморщился, он знал эту историю, она ему рассказывала про магниты раз пять за последний год. — Надо их запретить. Законом.

— Надо, — согласилась Яна и села. — Глеб, я больше не могу. Я сегодня поняла. Я не могу так ездить.

Он посмотрел на нее поверх чашки. Глеб был крупный, светлый, с лицом человека, который двадцать лет работает с металлом и привык к тому, что металл не спорит. Он владел небольшим производством в Подольске — делал балки, фермы, ограждения, лестницы для торговых центров. Двенадцать человек в цеху, два станка, вечные долги заказчиков и вечные авансы поставщикам. Деньги у них были. Не такие, как у людей из рекламы, но были. Глеб умел их зарабатывать и не умел их тратить, и это Яна в нем любила.

— Яна, мы это обсуждали.

— Мы это обсуждали в прошлом году. И в позапрошлом. А я сегодня ехала и думала: если я засну на Ярославке, кто будет оперировать мальчиков с магнитами?

— Другие хирурги.

— Других хирургов нет. Нас четверо на отделение, а ставок шесть.

Он вздохнул. Петя под столом объявил, что корабль стартует. Ваня сказал, что опаздывает, и ушел, хлопнув дверью так, что дрогнуло стекло в прихожей.

— Центр нам не по карману, — сказал Глеб. — Ты же смотрела цены.

— Я смотрела.

Она смотрела. Каждую ночь в ординаторской, когда никого не везли, она открывала приложение и листала квартиры. Таганка, Китай-город, Яуза. Рядом с больницей. Пять минут пешком. Она листала их, как другие женщины листают платья, которые никогда не купят. Иногда сохраняла в избранное. В избранном было сорок квартир, ни одна не стоила меньше ста пятидесяти миллионов, и ни одна не была им нужна в такой степени, как ей хотелось.

— Если продать дом, — сказала Яна. — Твои накопления. Ипотеку на остаток. Мы справимся.

— Мы будем двадцать лет платить банку.

— Мы двадцать лет платим Ярославке.

Он молчал. Она знала это молчание: он не соглашался, он считал. Глеб всегда сначала считал, потом спорил. Если после подсчета он не спорил — значит, цифры сходились.

— Найди вариант, — сказал он наконец. — Реальный. Не из твоего избранного. Чтобы было ниже рынка, нормальные документы, и чтобы мы не продали почку. Найдешь — по-

говорим.

Он надел пальто и ушел, и Петя вылез из-под стола и спросил, можно ли ему мультики, раз папа ушел, а мама добрая после ночи. Мама была добрая после ночи. Мама разрешила.

Яна уснула на диване под мультик про собак-спасателей и проснулась в два часа дня от того, что Петя трогал ее за щеку.

— Мам. Мам. Там бабушка поет.

По телевизору, на каком-то из тех каналов, которые сами собой включаются после мультиков, шел повтор новогоднего концерта. Старого, судя по качеству картинки: еще не цифра, еще с полосами, с тем особенным мягким светом, каким светили в студиях конца девяностых. На сцене, на фоне елки из мишуры, стояла женщина в белом платье. Высокая, прямая, с тяжелым узлом темных волос на затылке. Она пела что-то из оперетты, Яна не помнила что, но помнила этот голос — глубокий, бархатный, с хрипотцой на низах. И помнила, как ее бабушка, Анна Степановна, в каждый Новый год садилась перед телевизором с тарелкой оливье на коленях и говорила: «Тише вы все. Ланская поет».

Яна села на диване.

Бабушка жила в Перми, в хрущевке на Компросе, и за всю жизнь ни разу не была в Москве. Но у нее была мечта, которую она рассказывала внучке каждое лето, когда Яна приезжала на каникулы: «Вот вырастешь, станешь врачом, будешь жить в Москве. В высотке. Как Ланская. Ланская живет

в высотке на набережной, я в журнале читала. Там потолки четыре метра и лифтерша в форме». Яне было восемь. Она верила, что в Москве все живут в высотках и у всех лифтерши в форме.

Бабушка умерла, когда Яна была на четвертом курсе. Яна стала врачом. Живет в Подмосковье. В таунхаусе. Без лифтерши.

— Это не бабушка, Петя, — сказала Яна. — Это Вера Ланская. Она очень знаменитая.

— Она старая?

— Сейчас — да. А тут — молодая.

Петя подумал.

— А почему по телевизору показывают, когда она молодая, а не когда старая?

Яна не нашлась что ответить. На экране женщина в белом закончила петь и поклонилась, и зал аплодировал ей стоя, и камера на секунду показала первый ряд: мужчины в темных костюмах, женщины в мехах, кто-то из тех, кого было принято показывать в первом ряду. Ланская кланялась не им. Она кланялась куда-то выше, на балкон, и улыбалась так, будто там, на балконе, сидел кто-то, ради кого она пела. Яна подумала, что так кланяются не публике, а начальству. Подумала и забыла.

Вечером позвонил Стас.

Станиславу Юрьевичу Белых было пятьдесят, и он был риелтором, которого Яне посоветовала заведующая отделе-

нием, когда пять лет назад та продавала квартиру покойной матери. Стас был толстый, вежливый, очень медленный и очень дотошный. Он не обещал. Он проверял. «Яна Андреевна, — говорил он, — я в профессии двадцать два года, и у меня ни одна сделка не развалилась. Знаете почему? Потому что я ни одной не провел быстро». Яна ему звонила месяц назад, просто спросить, «что сейчас в центре». Он сказал: «Ничего хорошего, Яна Андреевна. Рынок перегрет, продавцы жадные, покупатели нервные. Ждите».

Теперь он позвонил сам.

— Яна Андреевна, вы еще ищете?

— Ищу, — сказала Яна. И, подумав, добавила: — Муж сказал — реальный вариант, ниже рынка, нормальные документы.

— Муж у вас разумный человек. — Стас помолчал. Он всегда молчал перед тем, как сказать что-то важное, и Яна давно научилась не торопить его в этом молчании, как не торопят анестезиолога, когда он смотрит на монитор. — Я пока ничего не могу обещать. И ничего не могу говорить. Но в одной высотке на набережной, скорее всего, скоро может появиться кое-что особенное. Не спрашивайте где. Я сам пока не знаю, всерьез это или нет.

— На Котельнической? — спросила Яна, и голос у нее сел.

— Я сказал — не спрашивайте, — сказал Стас. — Просто держите деньги наготове. И мужа.

Он отключился. Яна сидела на кухне с телефоном в руке.

Петя спал. Ваня делал уроки, вернее, делал вид, а на самом деле играл с кем-то в шахматы в приложении. Глеб еще не вернулся из цеха. За окном, в темноте, горели одинаковые окна одинаковых таунхаусов, и в каждом кто-то ужинал, и у каждого была своя Ярославка.

Яна открыла приложение. Ввела в поиске: «Котельническая набережная». Шесть объявлений. Самое дешевое — сто шестьдесят пять миллионов. Она пролистала фотографии: потолки, лепнина, паркет елочкой, вид на реку. На одной фотографии в углу, на стене, висела какая-то рамка с грамотой, которую хозяева забыли снять перед съемкой.

Она не знала, зачем сделала скриншот этой рамки. Потом, через полгода, она будет помнить этот вечер очень точно: запах остывшей овсянки, которую утром никто не доел, мигающий в прихожей датчик сигнализации, Ванин голос из комнаты — «шах, ну ты лох», — и чувство, которое она тогда назвала надеждой. Только потом она поймет, что у этого чувства было другое имя, и что Стас, сам того не зная, уже набрал первые цифры номера, по которому ей позвонят из ее собственной жизни, чтобы сообщить, что эта жизнь больше ей не принадлежит.

Но тогда, в начале марта, это была просто надежда.

Она написала Глебу: «Стас звонил. Кажется, есть вариант. На Котельнической».

Глеб ответил через сорок минут, уже из машины, видимо, на светофоре: «Это где Ланская живет?»

Яна засмеялась вслух, одна, на кухне. Даже Глеб знал, где живет Ланская. Вся страна знала.

«Не знаю, — написала она. — Говорят, где-то там».

Глава 3. Подписка

Вера

Документ пришел в мессенджере в половине двенадцатого ночи, когда Вера уже сняла грим, но еще не сняла брошь.

Капитан юстиции Ильина Ирина Сергеевна позвонила за десять минут до этого и предупредила: «Сейчас вам поступит файл, Вера Арнольдовна. Откройте его, пожалуйста, без посторонних. Распечатывать не нужно. Подпишите прямо на экране, пальцем, как в банке». У капитана Ильиной был голос завуча — высокий, четкий, без сантиментов. Вера сразу ее невзлюбила и сразу ей поверила. Сантименты можно подделать. Скуку — нельзя. Капитан Ильина скучала так, как скучают только люди при исполнении.

Файл назывался «Подписка_о_неразглашении_Ланская_ВА». Внутри — бланк. Сверху герб, двуглавый орел, под ним в две строки название ведомства, ниже — номер, дата, «для служебного пользования». Вера надела очки и прочитала всё, от начала до конца, как читала когда-то договоры с театром: медленно, шевеля губами, ставя ногтем галочки на полях, которых не было.

«Я, Ланская Вера Арнольдовна, предупреждена о том, что сведения, ставшие мне известными в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий, составляют государственную тайну… Обязуюсь не разглашать… в том числе

членам семьи, сотрудникам банков, нотариусам, представителям органов внутренних дел… Предупреждена об ответственности…»

В названии ведомства во второй строке было «безопастности». С лишней «т».

Вера посмотрела на это слово, сняла очки, протерла их краем шелкового халата, надела снова. «Безопастности». Она хмыкнула. Ей вспомнилось, как в девяносто восьмом году ей вручали орден, и в наградном листе ее фамилию написали «Ланской» — в мужском роде, — и никто не стал переписывать, и она сорок минут стояла в очереди награждаемых с ощущением, что награждают кого-то другого. Потом, на фуршете, один чиновник сказал ей, улыбаясь: «Вера Арнольдовна, не обижайтесь, у нас все бланки с ошибками. Это у нас государственная традиция».

Она поставила подпись пальцем. Подпись получилась кривая, детская, совсем не похожая на ту, которой она тридцать лет расписывалась на программках. Вера огорчилась и попросила прислать бланк еще раз. Капитан Ильина сухо ответила, что повторная отправка нарушит регистрационный номер, и подпись принимается в таком виде. Вера извинилась. Она не извинялась ни перед кем с две тысячи девятнадцатого года, с похорон Кости, — а тут извинилась, и это было почти приятно, как бывает приятно снова надеть старые туфли, которые жали в юности.

Через четверть часа пришел второй документ. «Приказ

о включении в оперативный резерв». Номер, дата, подпись — неразборчивая, синяя, с длинным хвостом. «Включить Ланскую В.А. в оперативный резерв управления на период проведения специальных мероприятий. Присвоить оперативный псевдоним: ЛАСТОЧКА».

Вера перечитала последнюю строку три раза. Потом встала, прошла в спальню, открыла шкатулку и положила брошь на место. Потом снова достала. Потом приколола ее на халат. Это было глупо. Она понимала, что это глупо, — и все равно приколола.

Генерал позвонил утром, в девять сорок, ровно тогда, когда она обычно распевалась. Он, кажется, знал и это.

— Не помешал, Вера Арнольдовна? Вы ведь в это время голос разогреваете.

— Уже разогрела, — соврала Вера.

— Тогда коротко. Документы получены, спасибо. С этой минуты вы официально в деле. Я понимаю, как это звучит. Народная артистка, и вдруг — оперативный резерв. Но вы бы удивились, сколько известных людей нам помогали. Я, конечно, не назову имен. Одно скажу: вы в хорошей компании.

— Я понимаю, — сказала Вера.

Она правда понимала. Она всю жизнь была в хорошей компании. На всех правительственных концертах, на всех приемах, на всех юбилеях. Она понимала, как устроена хорошая компания: в нее не вступают, в нее приглашают. И если тебя пригласили, отказываться не принято.

— Теперь о деле, — сказал генерал. — Вера Арнольдовна, мы изучили ваш объект. Квартира на Котельнической — это главное, на что нацелена группа. Но не единственное. У вас есть дача в Переделкине.

Вера молчала.

— Я не буду ходить вокруг да около, — мягко продолжал он. — Там есть сложности с документами девяносто шестого года. Земля. Постановление главы администрации, которое, строго говоря, не должно было быть подписано. Вы об этом знаете.

— Я… — сказала Вера. — Это оформлял юрист. Я ничего не подписывала, кроме…

— Вера Арнольдовна. — Голос стал еще мягче, и от этой мягкости ей стало холодно. — Я вам не враг. Я вам говорю это не для того, чтобы напугать. Я говорю это для того, чтобы вы понимали: преступники тоже об этом знают. И если вы не поможете нам их остановить, они используют это против вас. А если поможете — мы вас прикроем. Полностью. Это я вам обещаю лично. Мы вас прикроем, но и вы нас не подведите.

В кухне Эльвира включила чайник. Вера слышала, как он шумит, набирая силу, как поезд, подходящий к перрону.

— Что я должна делать?

— Пока — немного. Первое задание у вас простое. Нам нужно проверить ваши наличные сбережения. Преступная группа работает через банк, у них есть люди в отделении, где у вас счета. Мы подозреваем, что часть ваших денег уже

помечена — переписаны номера купюр, сделаны слепки. Если вы снимете деньги и передадите нашему сотруднику, мы проведем экспертизу и вернем вам их через неделю. Чистыми. С актом.

— Сколько?

— Всё, что у вас есть на счетах, Вера Арнольдовна. Иначе проверка не имеет смысла.

Вера посмотрела на часы Кости. Те отставали на две минуты, как всегда в середине месяца.

— Хорошо, — сказала она.

После разговора она долго сидела у рояля, не открывая крышки. Потом пошла в кабинет Кости — она до сих пор называла эту комнату кабинетом, хотя Кости не было семь лет, а кабинетом там служили только его ноты на полках и пепельница, которую никто не решался выбросить, — и достала из нижнего ящика стола толстую тетрадь в клеенчатой обложке. Тетрадь была куплена для мемуаров. Мемуары Вера начинала трижды: в шестидесятилетие, в семидесятилетие и после похорон. Каждый раз доходила до второй страницы и бросала, потому что на второй странице надо было писать про детство в Саратове, про отца, который пил, и про то, как она в шестнадцать лет сбежала в Москву с одной сумкой. Это было неинтересно. Это было не про ту Ланскую, которую знала страна.

Вера вырвала две исписанные страницы, аккуратно, по сгибу. На обложке вывела фломастером, красивым наклон-

ным почерком, которым подписывала программки: «Донесения». Подумала и добавила ниже, мельче: «Совершенно секретно». Подумала еще и зачеркнула «совершенно секретно» — показалось, что это слишком похоже на кино.

На первой странице она написала: «13 февраля. 9:40. Разговор с А.В. Получено первое задание. Задание принято к исполнению. Л.».

И поставила точку так, что проткнула бумагу.

В дверь кабинета постучала Эльвира.

— Вера Арнольдовна, вам чай сюда или в гостиную?

Вера закрыла тетрадь ладонью, как школьница, которую застали с запиской.

— Никуда. И не стучи сюда больше. Это кабинет.

— Я всегда стучу в кабинет, — сказала Эльвира из-за двери.

— Вот и не стучи.

Шаги Эльвиры удалились. Вера сидела с ладонью на тетради и слушала, как в квартире наступает тишина — та особенная тишина, какая бывает за кулисами за минуту до третьего звонка. Она давно не слышала этой тишины. Она уже забыла, как она звучит. Оказалось — как молодость.

В банк она поехала на следующий день, одна, на такси, без Эльвиры, в темных очках, которые надевала в последний раз на похороны. Менеджер, девочка в белой блузке, узнала ее, побледнела, принесла кофе, принесла воду, принесла заведующую. Заведующая спросила, зачем Вере Арнольдовне

снимать наличными такую сумму, не нужна ли помощь, не звонил ли ей кто-нибудь посторонний.

Вера посмотрела на нее поверх очков тем взглядом, каким смотрела на дирижеров, торопивших темп.

— Голубушка, — сказала она, — мне семьдесят четыре года. Я народная артистка. Мне звонят посторонние с тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Я покупаю дачу внучке. Выдавайте.

Внучки у нее не было. Но заведующая этого не знала. Заведующая знала Ланскую по телевизору, и в телевизоре у Ланской, конечно, были внучки, и дачи, и все остальное, что положено.

Вечером Вера записала в тетрадь: «14 февраля. Задание выполнено частично. Сотрудники банка проявили бдительность. Легенда сработала. Л.».

Потом перечитала и добавила: «Прошу учесть».

Кому учесть, она не знала. Но так было положено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.